

Предисловие

Введение

Глава 1. Предварительные замечания

- 1.1. "Материалистическое понимание истории"
- 1.2. Конкуренция и развитие
- 1.3. Молекула ДНК и рынок
- 1.4. Рынок и культура
- 1.5. Психология "горизонтального" человека

Глава 2. Определения

- 2.1. Коммунизм
- 2.2. Социализм
- 2.3. Капитализм
- 2.4. Собственность
- 2.5. Деньги

Глава 3. Виды собственности

- 3.1. Понятие собственности в римском праве
- 3.2. Собственность коллективная и личная
- 3.3. Собственность личная и частная

Глава 4. Собственность и коммунизм

- 4.1. Женщина -- одушевленная собственность мужчины
- 4.2. Миф о коммунистическом матриархате
- 4.3. Резюме

Глава 5. Рождение неодушевленной личной собственности: неолитическая революция

- 5.1. В преддверии перемен -- феминистический "первотолчок"
- 5.2. Начало неолитической революции -- мужчины перехватывают инициативу
- 5.3. Неолитическая революция продолжается

Глава 6. Личная собственность на востоке и аграрный социализм

- 6.1. Месопотамия (Древность, Средние века, Новое время)
- 6.2. Египет (Древность, Средние века, Новое время)
- 6.3. Китай (Древность, Средние века, Новое время)
- 6.4. Индия (Древность, Средние века, Новое время)
- 6.5. Резюме. Параллели

Глава 7. Общественная собственность и индустриальный социализм в СССР

- 7.1. Большевики берут власть (1917--1940 гг.)
- 7.2. Большевики теряют власть (1940--1990 гг.)
- 7.3. Достоинства и пороки планового АСП
- 7.4. Индустриальный социализм и плановый АСП
- 7.5. Крах великой иллюзии
- 7.6. Резюме

Глава 8. Суждения о капитализме, или как функционирует рынок

- 8.1. А.Смит -- первый теоретик рыночного хозяйства
- 8.2. К.Маркс и "Капитал"
- 8.3. М.Вебер о капитализме
- 8.4. В.Зомбарт о капитализме
- 8.5. Й.А.Шумпетер о капитализме, социализме и демократии
- 8.6. Дж.М.Кейнс корректирует А.Смита

- 8.7. М.Фридмен подправляет Кейнса
- 8.8. Ф.фон Хайек и наследие Маркса
- 8.9. Резюме

Глава 9. Частная собственность и рождение капитализма

- 9.1. Споры о времени генезиса капитализма
- 9.2. Рождение античного капитализма (IX--VII вв. до н.э.)
- 9.3. Золотой век античного рынка (594--431 гг. до н.э.)
- 9.4. Пелопонесская война и начало конца (431--338 гг. до н.э.)
- 9.5. Римская экономика от рассвета до заката
- 9.6. Резюме

Глава 10. Возрождение капитализма в Средние века

- 10.1. Вопросы идентификации и периодизации
- 10.2. "Темные века" Европы: отступить, чтобы начать сначала
- 10.3. Феодалная Европа
- 10.4. Рынок ищет союзников
- 10.5. Почему Англия?
- 10.6. Античное наследие и Средневековье
- 10.7. Резюме. Параллели

Глава 11. Рождение индустриального капитализма

- 11.1. Ближайшие последствия научно-технической революции
- 11.2. "Детские болезни" индустриального капитализма
- 11.3. К глобализации мирового рынка
- 11.4. Государство и рынок в процессе глобализации
- 11.5. Рынок, нравственность, справедливость
- 11.6. Что дальше? Вместо заключения

Предисловие

Дискуссия о том, хороша рыночная система или нет, гуманна или антигуманна, эффективна или разорительна, будут происходить столько времени, сколько отпущено рыночной системе. Своим произведением Г.В.Гивишвили активно вторгается на арену этих дискуссий. Привлекательность его книги, на мой взгляд, состоит, во-первых, в том, что содержит весьма обстоятельный исторический анализ рынка и капитализма. Автор относит происхождение рыночной системы к Античности, поэтому и анализируемый им исторический период измеряется не столетиями, как обычно в трудах по экономике капитализма, а тысячелетиями. Гигантская историческая панорама, которая развертывается перед читателем, позволяет исследовать рынок как развивающуюся систему, показать его огромный потенциал не только реагирования на изменения социальных, политических, технологических условий, но и воздействия на формирование таких условий.

Во-вторых, именно исторический ракурс позволяет автору "разобраться" с учением К.Маркса. Критике марксизма посвящены тысячи работ, но подавляющее большинство из них опираются на печальную практику реализации идей "основоположника научного коммунизма" и его последователей в России. Автор анализирует заблуждения Маркса исходя из информации, доступной "основоположнику". И показывает, как ложная априорная установка послужила причиной совершенно превратной интерпретации исторических фактов и выдумывания "исторических" процессов и обстоятельств, которых вовсе никогда не наблюдалось.

В-третьих, Г.В.Гивишвили плодотворно занимается анализом рынка в психологическом аспекте. Он вводит несколько психологических типов участников процессов и событий, происходящих в экономическом пространстве (совершенно правильно отказываясь рассматривать экономику как поле деятельности только представителей "подвида" *Homo economicus*), и убедительно показывает их роли в становлении и развитии рыночной системы.

В-четвертых, очень интересен подробный анализ концепций различных экономистов -- как безоговорочных сторонников предельной либерализации рынка (в частности, М.Фридмана), так и тех, кто отстаивал необходимость его ограничения (как, например, Дж. М.Кейнс). "Достается" не только Марксу, автор находит "каждой сестре по серье".

Естественно, не все выводы Г.В.Гивишвили достаточно обоснованы -- но иначе и дискуссии никакой не предполагалось бы (как в марксизме "зрелого социализма"). Можно без труда найти интересных авторов (не менее интересных в сравнении с теми, чьи концепции подробно рассмотрены), которые в рукописи даже не упомянуты. Можно отметить вопросы, которые очень существенны, но не рассматриваются (например, каким образом рыночная система могла бы справиться с угрозой глобальной экологической катастрофы, -- имеются в виду не ресурсные кризисы, а предотвращение разрушения биосферы). Но можно оценивать книгу не по тому, чего в ней нет, а по тому, что в ней содержится. И с этой позиции совершенно ясно, что книга Г.В.Гивишвили будет интересна многим читателям.

Член-корреспондент РАН
д-р экон.наук, проф.
В.И.Данилов-Данильян

Введение

В 1977 г. был опубликован доклад группы экспертов ООН во главе с лауреатом Нобелевской премии по экономике В.Леонтьевым, в котором обсуждались прогнозы демографического, экономического и экологического состояния мира на 1980, 1990 и 2000 г. Самое пикантное в них заключалось в выводе о том, что в 2000 г. ВВП на душу населения в СССР почти сравняется с западноевропейским уровнем и составит чуть меньше 70 % от уровня ВВП в Северной Америке (США и Канаде). Фактически солидаризировался с Леонтьевым один из создателей "неоклассического синтеза". П.Самуэльсон. В своем широко известном учебнике, вышедшем в те же 70-е гг., он признал, что к 2000 г. между ВВП СССР и США установится примерный паритет. Более того, исходя из представленного им графика линейной экстраполяции временных трендов этого показателя, следовало, что уже к 2010 г. ВВП СССР должен был заметно опережать ВВП США. (Озвучить этот прогноз Самуэльсон, однако, не решился.) Ссылаясь на то, что в СССР нет ни безработицы, ни инфляции, Дж.Гэлбрейт в 1973 г. настаивал на том, чтобы конгресс США принял билль о необходимости планирования американской экономики.

События на рубеже 80--90-х гг. прошлого столетия спутали все карты. Ибо вместо заявленного *ускорения* ВВП СССР на 5,2 % в год в 2000 г., в действительности произошло его *торможение* (рецессия) сначала до 1,3 % в год в середине 80-х. К концу же этого десятилетия рост и вовсе сменился *движением вспять* (кризисом) со скоростью -- 4,3 % в год. В конечном счете, социалистический монстр, бросивший вызов Западу, развалился, на отдельные суверенные образования, не выдержав экономического "соревнования двух систем". Лишь к 1999 г. тенденция с ВВП в России переломилась к лучшему. Да и то, в основном, благодаря исключительно благоприятной для страны конъюнктуры в топливном секторе мировой экономики. Но к тому времени доля ее ВВП относительно ВВП США и Западной Европы упала до 9,6--9,7 %. Экономика же Запада после Великой депрессии 20--30 гг. то ускоряясь, то несколько замедляясь, продолжала свое шествие "вверх". За период с 1989 по 2004 гг. она развивалась со средней скоростью 2 % ВВП в Западной Европе и 3,1 % в США.

А кто в середине 2007 г. мог предположить, что темное облачко ипотечных неплатежей, появившееся на горизонте США, уже через год разразится бурей мирового финансового кризиса и рецессией, охватившей экономики практически всех развитых и развивающихся стран? Правда, всегда найдутся те, которые скажут: "Мы же предупреждали!". Но поскольку деловая активность на рынке подвержена постоянным колебаниям, цена подобному прогнозу не больше цены предсказания наступления зимы, сделанного летом. Оба приведенных факта, как и великое множество других, ставят под сомнение зрелость мировой экономической науки в целом. Потому что ничем иным невозможно объяснить столь разительное расхождение теории с практикой, противоречие между пророчеством и свершившейся действительностью.

Не стремясь к оригинальности в высказывании подобной точки зрения, я сошлюсь на обзорную статью А.Худокормова, который, в свою очередь, анализирует суждения и оценки грандов

современной экономической мысли М.Блауга и У.Баумоля. По мнению Блауга, "за последние полтора столетия западная экономическая теория пережила, по крайней мере, три тяжелых идейных кризиса -- три периода весьма болезненных состояний, в течение которых обнаруживалось явное несоответствие прежних концепций, учений, теорий реальным явлениям и тенденциям жизни". Под этими тремя "болезненными состояниями" подразумеваются кризисы: а) классической школы А.Смита, Д.Рикардо и др. (1870-е гг.); б) неоклассического направления, исходившего из закона рынков Сэя и теории общего равновесия Вальраса (1920--1930 гг.); -- в) кейнсианской доктрины (1970--1980 гг.). (При этом Блауг вовсе обходит стороной самый неприятный, но требующий объяснения поразительный феномен крушения советской хозяйственной системы.) Что же касается "достижений" современной микротeorии, которая, по его мнению, стала жертвой формализма и бессодержательной математизации, то тут его оценки "наполняются едким сарказмом": "Вдумайтесь только в следующие типичные допущения: абсолютно непогрешимые, вездесущие, долгоживущие, одинаковые потребители; нулевые транзакционные издержки; полный набор рынков, готовых удовлетворить спрос в любое время и при любых мыслимых условиях; никаких сделок при неравновесных ценах; бесконечно большая скорость корректировки цен и количеств; никакой радикальной, не поддающейся оценке неопределенности в реальном времени, -- только риск, исчисляемый в вероятностных величинах и логическом времени; исключительно линейно однородные производственные функции; никакого технического прогресса, воплощающегося в капитальных инвестициях, и т.д. и т.п. -- все это не просто нереалистичные, но и лишённые здравого смысла допущения. И, тем не менее, именно они имеют решающее значение для основополагающих экономических теорий".

Столь же критически оценивает Блауг последние новации в сфере макроэкономики, в частности теорию реального бизнес-цикла. Таким образом, подводя итоги его высказываниям о современном состоянии западной экономической теории, Худокормов отмечает, что "они в общем и целом сводятся к нескольким выводам: "экономическая теория больна", она сплошь и рядом вырождается в формалистику, "интеллектуальную игру ради игры" и "утомительную схоластику"; подобный диагноз касается обоих разделов современной экономики -- как микро-, так и микротeorии. Неблагополучие, кроме того, наблюдается во всех структурных частях указанных теорий: методологических установках, собственно экономических концепциях (объясняющий аспект), а также практических рекомендациях (вроде рекомендаций новых классиков о бесполезности всякой экономической политики государства). "Тревожные процессы в современной экономической теории" имеют непосредственное отношение к публикациям многих видных представителей современной экономики, включая тех, кто отмечен Нобелевской премией (Эрроу, Дебре, Фридмен, Лукас)".

Со своей стороны Баумоль "не крушит и не свергает идолов, казалось бы уже навечно приросших к своим пьедесталам, -- он аккуратно и уважительно снимает их и с массой комплементов отодвигает в сторону". Но в результате чего оказывается, что "в течение всего XX в. научное сообщество выделяло и поощряло совсем не те направления, которые обеспечили экономической науке максимальный прогресс. И хотя Баумоль не указывает прямо на Нобелевский комитет, но, как справедливо отмечает его комментатор, в составленный им список второстепенных (для научного прогресса) работ "попало большинство тех, которые за последнюю треть века отмечены нобелевскими премиями". В этом пункте позиции Баумоля и Блауга в общем совпадают: оказывается Нобелевская премия по экономике еще не является индульгенцией от греха идейной периферийности, не является она и надежным свидетельством прогресса в экономической науке". При всем том, в высшей степени удивительно, что Баумоль признает модель Леонтьева "затраты - выпуск" "самым крупным достижением экономической науки XX в."

Правда, следует признать, что некоторые теоретики и сами адекватно оценивают степень практической ценности своих изысканий. "Колландер приводит красноречивые высказывания тех немногих экономистов-теоретиков, которые находили в себе мужество явным образом отказываться от экономико-политических выводов из своих концепций. Так, Р.Лукас на вопрос, что бы он сделал в случае включения в состав Совета экономических консультантов, ответил: "Поддал бы в отставку". Столь же прямо на вопрос о значимости его исследований для экономической политики ответил Ж.Дебре: "Никакой"."

Объяснение тому, что экономическая наука далеко оторвалась от практики, Баумоль и Блауг видят, главным образом, в консерватизме научного сообщества. На наш взгляд указанная причина едва ли более существенна, нежели другие, неформальные и более веские основания. Представляется, что на первое место здесь следовало бы поставить тот факт, что экономическая наука сталкивается с уникальной ситуацией. А именно, объект ее исследований не завершен,

не зафиксирован, но, напротив, находится в состоянии крайне динамичной эволюции, которую сам же и инициирует. Он постоянно порождает все новые феномены, не существовавшие в природе еще "вчера", ставя, тем самым, исследователя их закономерностей в исключительно сложное положение. (Кто 100 лет назад мог судить об особенностях рынка информационных услуг и компьютерных технологий, коль скоро не существовало самих этих явлений?) Это обстоятельство накладывает жесткие ограничения на верхний предел вероятности средне- и долгосрочного прогноза экономической ситуации, будь то в локальном, региональном или глобальном масштабе. И заодно -- на ценность любой макроэкономической теории и основанных на ней рекомендаций. Поскольку хозяйственные реалии не могут быть изолированы от политических и ментальных сторон общественного бытия, корректные макроэкономические модели обязаны рассматривать их как свои неотъемлемые атрибуты, то есть *выйти за формальные пределы* теории сугубо хозяйственных отношений. Но и в этом случае на них будет висеть длинный хвост ошибок, связанных с невозможностью строгого учета имманентного фактора саморазвития рынка.

Отсюда цель N1 настоящего исследования можно сформулировать как анализ эволюции мировой хозяйственной системы. В его итоге предполагается дать обоснование тезису о том, что *рыночные отношения, составляющие фундамент капитализма как хозяйственной системы, возникли одновременно с демократией как политической системой и гражданским обществом как правовой системой*, т.е. не в Средневековой Европе, а двумя тысячелетиями ранее -- в античной Греции.

Далее, современные представления об экономической науке исходят из ложного представления, будто существуют некие сугубо специфические и самодостаточные законы экономического бытия, пребывающие сами по себе, т.е. вне и помимо человека, познав которые можно безошибочно прогнозировать последствия тех или иных инициатив, исходящих от хозяйствующих субъектов. Как ни странно, это мнение разделяют не только сторонники планового хозяйствования (марксисты), но и многие экономисты-классики, приверженцы "стихийных", то есть рыночных методов, от Д.Рикардо и Л. фон Мизеса до современных теоретиков. На это соображение можно возразить следующим образом. Рыночные отношения в терминах конкуренции и кооперации, спроса и предложения, хищничества и симбиоза и т.д. присущи всей земной органике. Следовательно, некоторые, наиболее фундаментальные закономерности рынка можно изучать и на общепсихологическом материале. Но лишь учет человеческого фактора делает их объектом собственно экономических исследований. И поскольку материальное производство задает самые чувствительные струны человеческой натуры, мощно влияя на его поведение, прямая связь "производство --> человек" порождает столь же эффективную обратную связь "человек --> производство". Она проявляется в реакции общества на те или иные импульсы, исходящие будь то от плановых или рыночных источников. А ее контролирует психология. Именно психология есть ключ к анализу поведения рынка в большинстве "необъяснимых" случаев его отклонений от "нормы". И, кстати говоря, уместно заметить, что в силу полного игнорирования человеческого фактора советский плановый, или административный способ производства (АСП) оказался не в состоянии соперничать с хозяйством, основанным на рыночных отношениях и учете свободной человеческой инициативы, то есть с собственно экономикой. Но если практика постоянно дает нам очевидные свидетельства существования прямых и обратных причинно-следственных связей между рыночными механизмами и психологией, то теория этих связей находится в зачаточном состоянии даже у теоретиков-рыночников.

Это позволяет определить цель N2 нижеследующего исследования, как состоящую в анализе влияния психологии на хозяйственную деятельность, а также в доказательстве того, что *экономическая наука должна быть бинарна, являть собой синтез двух разделов -- психологии и рыночных отношений*.

Но даже если такой синтез когда-нибудь и удастся осуществить, то и тогда не следует обольщаться насчет его прогностической ценности. Ибо реальность не поддающейся учету многомерности хозяйственных связей и отношений между необозримым и постоянно меняющимся количеством хозяйствующих субъектов -- производителей, потребителей и посредников между ними ставит экономическую теорию в условия много более сложные, чем, к примеру, квантовую механику. Ведь последняя имеет дело с хорошо предсказуемым поведением элементарных частиц и опирается на вполне детерминированный язык математики, первая -- с плохо предсказуемым поведением людей с недетерминированной психикой.

Таким образом, очевидно, что ввиду крайней сложности и *продолжающей усложняться* структуры хозяйственных отношений, стохастичности как вектора эволюции, так и психических проявлений, влияние этих факторов на конечный результат хозяйственной деятельности не поддается строгой количественной оценке. Уже изНза одного этого, и вопреки утверждению А.Маршалла, политэкономия, исходящая из представления о существовании некоей универсальной и всеобъемлющей "рыночной конституции", не может быть признана точной наукой. (Если верно, что эволюция, в том числе культурная, есть бесконечный процесс структурного усложнения материи, то можно думать, что в силу вышеуказанных причин создать "совершенную" теорию кратко- и долгосрочного экономического прогноза не удастся никогда. Она должна будет находиться в состоянии перманентного развития, следуя за эволюцией.)

В довершение к сказанному, современные теории крайне узко толкуют некоторые базовые для экономики понятия, искажая их подлинный смысл. К ним, в частности, на наш взгляд относятся: рынок и его природа, конкуренция и ее сущность, деньги и их функции, собственность -- ее виды и назначения. Создается впечатление, будто проблемы, связанные с их интерпретацией давно решены, тогда как на самом деле, они продолжают существовать. Что вносит дополнительный элемент неопределенности в развиваемые модели. ИзНза этого, в том числе, предстают в ложном свете многие реалии хозяйственного прошлого мировой цивилизации, порождающие ошибочные представления, касающиеся уже ее будущего.

Поэтому далее предполагается рассмотреть ряд вопросов, касающихся:

- а) существа рынка, конкуренции, денег и частной собственности;
- б) природы причинно-следственных связей между массовой психологией и характером общественного производства;
- в) связи между политическими и хозяйственными институтами общества (этот аспект освещался Ф.фон Хайеком);
- г) оправданности рассмотрения рыночных отношений с позиции социальной справедливости и нравственности (Дж. М.Кейнс во многом способствовал позитивному решению этого вопроса);
- д) смысла экономического прогресса и его стимулов;
- е) альтернативы происходящему в настоящее время процессу глобализации экономики.

Очевидно, что для аргументации высказываемых положений необходимо привлечь некоторые дополнительные соображения, выходящие за традиционные рамки известных экономических теорий, которым будет уделено минимально необходимое внимание. "Все, или многое из сказанного требует обоснований, которые, следует надеяться, будут представлены далее, но причем здесь гуманизм? Какое отношение имеют к нему рыночные реалии?" -- логично было бы услышать недоумение читателя, держащего в памяти название этой книги. Ответ -- самое непосредственное. Ибо гуманизм есть не только специфическое мировоззрение деятелей эпохи Возрождения, признающее равенство (разумный баланс) прав и интересов индивида, общества и природы, но также и, в частности, хозяйственная практика, исходящая из этого принципа. Эту практику, обеспечивающую каждому индивиду свободу экономической деятельности, необходимую для незатухающего развития материальной жизни общества, реализует рынок. Следовательно, *рыночные отношения представляют собой воплощение идей гуманизма в хозяйственной сфере.*

Доказательство этого тезиса и составляет цель N3 данного исследования.

ГИВИШВИЛИ Гиви Васильевич

Доктор физико-математических наук. Вице-президент Российского гуманистического общества. Автор теории универсального гуманизма. Научные интересы — физика околоземного космического пространства.